

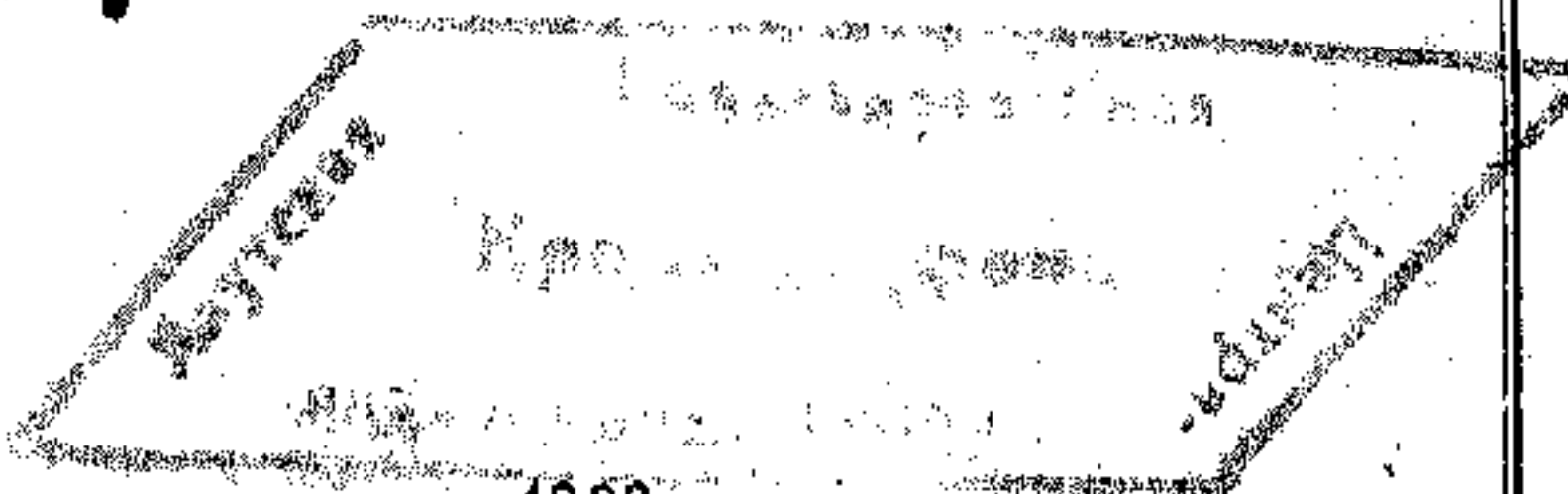
К 396.

Г. Бес
1908

1048

Первый
Литературный сборник
в Якутскѣ.

Изд. Олейникова.

1908

ЯКУТСКЪ ТИП. В. В. ЖАРОВА.

Вышли изъ печати изд. Олейникова и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

- 1) Я. Розеноеръ По камерѣ. 15 коп.
- 2) Записная книжка медика. 65 коп.
- 3) Дравертъ. Ряды мгновений. 65 коп.
- 4) Черный литературный сборникъ въ Якутскѣ. 45 коп.

Готовится къ печати второй сборникъ, въ которомъ будетъ помѣщена статья „Якутская ссылка“.

Складъ изданія
Соборная ул. д. Зашевскаго.

Отъ издателя

Настоящій сборникъ, первый въ Якутскѣ, пришлось издать при самыхъ не благопріятныхъ условіяхъ. На пути изданія было масса всевозможныхъ препятствій. Пессимическое настроеніе мѣстныхъ литературныхъ силъ — какъ оказалось, было одно изъ самыхъ первыхъ и очень важныхъ преградъ.

Къ предполагаемому сборнику относились съ какимъ то недоувѣріемъ и боязнью и всѣ къ кому приходилось обращаться за сотрудничествомъ — отвѣчали одно и то же.

— Все равно ничего не выйдетъ. Затѣя такъ и останется затѣей!

Но вотъ матеріалъ для сборника хотя и съ большимъ трудомъ, былъ собранъ. Проредактированъ. Явилось второе препятствіе. Почти негдѣ печатать. Типографіи въ Якутскѣ двѣ. Обѣ маленькія, плохо обставленныя и всегда заваленныя работою; не могутъ въ скоромъ времени исполнить заказъ — отпечатать сборникъ.

Кое-какъ удалось справиться и съ этой преградой. А затѣмъ явились новыя затрудненія..., и т. д.

Порой опускались руки, но необходимость выпустить сборникъ стояла на первомъ планѣ и въ концѣ концовъ побѣдила.

Сборникъ изданъ. Писсимизмъ потерпѣлъ пораженіе. Брешь пробита. Идти дальше будетъ уже легче.

Появится въ свѣтъ и второй сборникъ. Явится поддержка.

Явятся писатели и принесутъ свою лепту будущему сборнику.

Изданіе второго сборника будетъ всецѣло зависѣть отъ его будущихъ авторовъ и, конечно, симпатіи Русскаго Общества. Но и глубоко убѣжденъ, что день выхода второго сборника не за горами.

Врешъ пробата.

ИЗДАТЕЛЬ.

I

Положеніе лишенцевъ.

Лишенцы—политическіе ссыльно поселенцы, осужденные на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Это по закону—жители нашего государства—граждански—мертвые люди.

Для лишенныхъ даже издавъ особый уставъ, который прекрасно иллюстрируетъ ихъ правовое въ Россіи положеніе.

Ссылать въ Якутскую обл. политическихъ ссыльно-поселенцевъ стали недавно, года два тому назадъ, и въ настоящее время ихъ уже по официальнымъ даннымъ насчитывается въ области 54 человекъ, не считая женъ и дѣтей.

Осуждены лишенцы почти всѣ военно-окружными судами Сибири и Забайкалья. Всѣхъ ихъ обвиняли на судѣ или въ принадлежности къ с. д. партіи, или за участіе въ военныхъ организаціяхъ, или же за агитацію среди солдатъ. За малымъ исключеніемъ всѣ лишенцы сибиряки; жители Иркутска, Читы и Красноярска. Есть среди нихъ и російскіе, но это—бывшіе солдаты, служившіе до суда въ Харбинѣ и Владивостокѣ.

Среди лишенцевъ пока только 3 дѣвицы: одна изъ Красноярска и двѣ изъ Читы; семейныхъ лишенцевъ 6 человекъ.

За послѣднее время въ составъ ли-

шенцевъ начинаютъ преобладать — солдаты.

Интеллигентовъ около половины всего количества [ссылно-поселенцевъ] — Всѣ лишенцы молодые, въ возрастѣ отъ 16 до 28 лѣтъ и только двое изъ нихъ пожилые около 60 лѣтняго возраста. Одинъ изъ нихъ отбывшій каторгу. Положеніе политическихъ ссылно-поселенцевъ въ Якутской области самое не завидное и по сравненію съ положеніемъ административныхъ ссыльныхъ — разница громадная.

Еще въ Александровской пересыльной тюрьмѣ начинается сказываться правовая и матеріальная разница между этими двумя категоріями политическихъ ссыльныхъ.

Уже тамъ производится дѣленіе на двѣ фракціи и съ перваго же дня прибытія въ „пересылку“ лишенцу подчеркиваютъ его полную „безправность“.

Помню когда я пришелъ въ Александровскую пересыльную тюрьму.

Въ партіи было слѣдующихъ на Лену 5 человекъ политическихъ; 4 административныхъ и 1 я лишенецъ.

Кончили пріемъ партіи. Стали размѣщать по баракамъ. Уголовныхъ уже распредѣлили и увели.

Къ намъ подошелъ смотритель и обращаясь къ старшему надзирателю сказалъ:

— „Этихъ 4 въ баракъ къ политическимъ, а этаго въ Левскій къ уголовнымъ“, добавилъ онъ указывая на меня.

Я зналъ, что кромѣ меня въ Александровской пересыльной тюрьмѣ не было никого изъ лишенцевъ, и мнѣ пришлось бы быть одному среди уголовной „шпанки“ и бродяжки. Этого, конечно, мнѣ не хотѣлось. Я запротестовалъ и сталъ доказывать всю свою политическую неблагонадежность, разницу убѣжденій и состава преступленія съ обыкновенными уголовными поселенцами.

Но смотритель и слушать не хотѣлъ.

Тогда я пустился на послѣднее средство.

Объявъ на полу въ корридорѣ и заявивъ еще разъ о своемъ категорическомъ отказѣ идти къ уголовнымъ, сказалъ.

— Только силой возьмете, а добровольно я не пойду!...

Черезъ нѣсколько минутъ смотритель наконецъ, согласился помѣстить меня съ административными.

Теперь, когда черезъ Александровскъ проходятъ на Лену много политическихъ „лишенцевъ“ изъ Россіи, администрація отвела имъ отдѣльный баракъ рядомъ съ уголовными, но вдали отъ административныхъ.

Лишенцы тамъ находятся на положеніи обыкновенныхъ арестантовъ.

Въ партіи, по пути въ Якутскъ, разницу между административными и лишенцами такъ же можно провести.

Въ то время какъ для 3 административныхъ нанимается отдѣльная подвода, для лишенцевъ существуетъ общая подвода, — наряжаемая какъ повинность отъ населенія.

На такую подводу садятся нерѣдко далеко больше 3-хъ человекъ, да и ямщики къ такимъ пассажирамъ иногда относятся враждебно, видя въ нихъ виновниковъ повинности.

Вещей лишенцамъ разрѣшается брать въ партіи только положенныя уставомъ с пересылаемыхъ, т. е. 30 ф.

Иногда запрещаютъ брать свою одежду, выдавая взамѣнъ ся арестантскую.

Кормовыхъ выдаютъ лишенцамъ наравнѣ съ уголовными, почти вдвое меньше по сравненію съ административными.

Въ остальномъ, въ этапѣ, особенной разницы не замѣчается. Развѣ только при конфликтахъ съ конвоирами.

Въ партіи до самого Якутска общее коммунаное довольствіе. Общій отъ всей партіи политическихъ староста — выборный для сношенія съ конвойнымъ.

офицеромъ и для закупки припасовъ. Чаще лишенцы, какъ сибиряки, даже выбираютъ товарищами въ старосты. Но вотъ, партія прибыла въ Якутскъ; положеніе лишенцевъ сразу мѣняется и дѣлается рѣзко обособленнымъ.

Еще на берегу при пріемѣ партіи администрація ставитъ лишенцевъ на положеніе пересыльныхъ арестантовъ и даже, не соглашается освободить ихъ, какъ освобождаютъ административныхъ, сразу съ парохода. Ихъ хотятъ сдать въ тюрьму. И только благодаря общей товарищеской поддержки—наконецъ ихъ освобождаютъ. Свѣряютъ съ карточками въ статейныхъ спискахъ и отпускаютъ на свободу, предлагая на завтра явиться въ полицію.

Появляется, послѣ долгихъ дней сидѣнія въ тюрьмѣ и трудности этап. передвиженія, свобода, а съ ней вмѣстѣ выступаетъ на сцену и матеріальная небезпечность.

Часто безъ гроша въ карманѣ лишенецъ сходитъ на берегъ. Его товарищи, административно-ссылные, на второй день по пріѣздѣ въ Якутскъ, идутъ въ полицію, получаютъ авансомъ за полмѣсяца или мѣсяць пособіе и рублей двадцать одежныхъ. Они на первое время обеспечены.

Сыты и одѣты.

Идутъ въ полицію и лишенцы. Но какъ ссыльно-поселенцы, они ни какихъ тамъ одежныхъ и пособій не получаютъ, а... получаютъ предложеніе отправиться на обывательскихъ, а иногда, и пѣшкомъ, въ волость, за билетомъ.

Проеуществовавъ кое какъ, со скудной товарищеской поддержкой 2—3 дня въ городѣ, направляются по волостямъ—къ мѣсту приписки.

Тамъ они иногда съ большимъ трудомъ, получаютъ поселенческіе билеты, съ правомъ передвиженія по округу. Ищутъ работу въ волости, но никогда ее тамъ не-

находятъ, въ особенности интеллегенты и, частенько голодные, не бывши 3—4 дня, усталые, возвращаются въ г. Якутскъ.

Въ городѣ есть товарищи, въ городѣ есть въ перспективѣ трудъ.

Но и въ Якутскѣ лишенцевъ ждетъ горькое разочарованіе. Ссылно поселенцамъ проживать въ областныхъ и губернскихъ городахъ, безъ особаго разрѣшенія губернатора, воспрещается. Не разрѣшается имъ открывать и мастерскія, не только коллективныя но и личныя.

Часто, въ особенности за послѣднее время, разрѣшеніе администраціей на право проживанія и работу въ городѣ не выдается; получается отказъ, равносильный приговору умерѣть голодной смертью.

Что-то ужасное готовится съ этого момента лишенцу.

Лишенный права проживать въ городѣ, лишенный честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, заброшенный въ малонаселенную и почти некультурную Якутскую область, вдали отъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ, лишенецъ оказывается брошеннымъ на произволъ судьбы. Нѣтъ ни работы, ни пособія, ни достаточной товарищеской помощи, ни земельныхъ надѣловъ -

Часто бывший солдатъ, средній интеллегентный труженникъ, или рабочій безъ состоятельныхъ родителей, отъ которыхъ онъ могъ бы получать матеріальную помощь, лишенецъ начинаетъ влачить свое жалкое существованіе.

Бродитъ онъ изъ одной деревни въ другую, по округу, на Бодайбинскія золотые промысла и обратно, и не находитъ нигдѣ себѣ работы даже для дневного пропитанія.

Нѣтъ нигдѣ работы ни для чернорабочаго, ни для интеллегента.

Но не лучше положеніе и большинства лишенцевъ, получившихъ разрѣшеніе проживать въ городѣ. Въ особен-

ности же теперь, когда ссыльных снова стали стѣснять въ выборѣ занятія и когда съ каждой партіей количество политическихъ ссыльных въ Якутскѣ увеличивается десятками. Малонаселенный, безъ какихъ бы то ни было промышленныхъ предпріятій, городъ Якутскъ имѣетъ не большой спросъ на рабочія руки, какъ чернорабочаго, такъ и интеллегента. Интеллегентный трудъ и помимо лишенцевъ занять уже или мѣстными обывателями, или административными ссыльными. Черная же работа бываетъ только лѣтомъ, когда происходитъ строительная горячка, да и то въ незначительныхъ размѣрахъ, часто удовлетворяясь дешевыми якутами. И вотъ, лишенный правъ, обѣгая весь городъ, въ поискахъ работы, — только лѣтомъ, да и то съ трудомъ, находить временную, на три мѣсяца черную работу. За эту работу приходится, какъ говорятъ, хвататься. Часто интеллегентъ, не привыкшій ни къ какой черной работѣ, обращается, на равнѣ со своими товарищами чернорабочими — въ каменщика, печника, забойщика; носить песокъ и камни на постройку, мѣсить глину и исполняетъ самую тяжелую работу.

Но все это только лѣтомъ.

Но вотъ наступаетъ зима, заморозки, и лишенцы остаются не у дѣлѣ. Только немногимъ профессионаламъ удается устроиться сравнительно безбѣдно. Всѣ же остальные, и конечно, большая часть, остаются безъ работы, на цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, безъ какихъ бы то ни было сбереженій, а слѣдовательно и... безъ куска хлѣба.

Безъ теплой одежды, безъ крова и денегъ лишенцы попадаютъ въ самыя невозможныя жизненныя условія. Питаюсь въ проголодь, при кое-какой товарищеской поддержкѣ, живя въ самыхъ не выносимыхъ въ гигиеническомъ отношеніи, условіяхъ, лишенцы одни переносятъ всѣ тягости и невзгоды „гиблыхъ мѣстъ“ ссылки и влечать

свое жалкое существованіе.

Еще безотраднѣе положеніе женщинъ лишенокъ. Неприспособленныя къ физическому труду они остаются всѣ безъ заработка и кое какъ, съ трудомъ и лишениями коратаютъ свою ссылку.

Впереди же послѣдней цѣлое десятилѣтіе.

Въ общемъ положеніе всѣхъ лишенныхъ правъ въ Якутской обл. ужасное, а въ будущемъ, когда новыя партіи прибавятъ къ настоящему составу еще нѣсколько десятковъ товарищей, жизнь станетъ еще труднѣе.

Появятся во всей неприглядной красѣ... и цынга.... и туберкулезъ....

И останется отъ лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія политическихъ ссыльныхъ, еще недавнихъ борцовъ за свободу, одно лишь жалкое воспоминаніе.

Н. Усольцевъ.

II

„Въ златотканности“.

Въ предразсвѣтной златотканности,
Надъ рѣкою полусонною
Тихо таютъ нити лунныя
И въ задумчивой туманности,
За осокой благовонною
Раздаются звуки струнные....

Это ты, моя желанная,
Это ты, мой другъ единственный,
Тихо ѣдешь долго жданная,
А въ дали зоря румяная
Разливаетъ свѣтъ таинственный...
Чашы лилій серебристыя
Подъ весломъ твоимъ склоняются,
И бѣгутъ круги волнистыя,
И росы алмазы чистыя
Въ камышахъ блестя качаются...

Много блеска, много странности...
Слышу пѣвень твою влюбленную
И рокочуть трели струныя,
А въ небесной златотканности
Надъ рѣкою полусонною
Тихо таютъ нити лунныя.

Отчего такъ безумно люблю я тебя,
Странь, далекихъ мятежная дочь,
И зачѣмъ я такъ сильно страдаю,
любя
Въ эту темную, мрачную ночь?

Оттого ли, что черныя очи твои
Безотрадны, какъ сумракъ ночной,
И печальны, какъ мрачныя думы мои,
Какъ тоска среди ночи глухой,

Оттого ли что кольца волнистыхъ
кудрей
На чело твое нѣжно легли
И бѣгутъ по плечамъ, точно волны
морей,
Точно волны въ туманной дали?

Оттого ли, что я среди ночи одинъ
И вокругъ меня тѣни и мгла?
Оттого ли, что ты средь пустынныхъ
равнинъ
Одинокимъ цвѣткомъ разцвѣла?

* *
*

Я былъ у Васъ...
На небѣ аломъ

Закатъ задумчивый погасъ,
И въ этотъ грустный поздній часъ
Въ вечернемъ воздухѣ усталомъ
Царила тишь. Отъ жадныхъ глазъ
День уходилъ... Я былъ у Васъ,

А Вы ушли,
Ушли куда-то

Ужъ тѣни мрачныя легли.
Тихонько ночь плыла вдали,
Гасила отсвѣты заката
И для темнѣющей земли
Зажгла луну, а Вы не шли..:

Къ окну приникъ
Букетъ фіалокъ—

Краса полей средь скучныхъ книгъ
Такъ неожиданъ страшень дикъ,
Какъ грезы чудныя русалокъ,
Какъ у экватора ледникъ.

Я уходилъ...
Сгущались тѣни.

На небѣ синемъ мѣсяцъ плылъ,
Смотрѣлъ въ окно и золотилъ
Въ сѣняхъ скрипящія ступени
И брусья старые перилъ.
Вы не пришли—я уходилъ.

Андрей Голубой.

III

Безъ названія.

Въ пивной было чисто, уютно и свѣтло.

Большія висячія лампы наполняли большую комнату мягкимъ, пріятнымъ свѣтомъ.

За однимъ изъ бѣлыхъ, подъ мраморъ окрашенныхъ столиковъ, за „парой“ пива сидѣло двое. Одинъ изъ нихъ, судя по синей засаленной рубашкѣ, рабочій, другой—въ темной пиджачной парѣ интеллигентъ, типичный, выражаясь языкомъ современной политической экономіи, представитель интеллигентнаго пролетаріата.

Грязноватые пальцы перваго спокойно поглаживали небольшую русую бородку, а длинные, нервно трясущіеся пальцы второго, мяти недокуренную папиросу.

„.... Да.... Вотъ такія то дѣла, —не-торопливо началъ рабочій.—Мнѣ, позвольте ли видѣть, 34 года, я—типографъ, ва-борщикъ. Товарищи прозвали меня бан-кой за мое умѣнье разговаривать со сво-ими хозяевами.

Чуть что, заминка какая нибудь, сей-часъ ко мнѣ:

— Валяй—говорять,—дай ему, бур-жую трезвону!..

И иду—и даю.... И за это меня лю-бятъ и шибко любятъ.

А скажу я Вамъ, было время и ва-

Государственный

давно это было, какихъ нибудь года 3 тому назадъ, когда я и думать боялся идти разговаривать съ ховяевами.

Великая штука—это недавнее время.

Рабочій человекъ, какъ будто сразу сталъ не тотъ, что прежде. Откуда что взялось. Взять къ примѣру хоть нашу типографію, не узнаешь теперь. Что не рабочій—филосовъ, да и только; словно учился 10 лѣтъ. Бывало что, дадутъ въ наборъ статью, положить ее на кассу, верстатку въ руки, да и пошла писать губернія, только щелканье раздается. А теперь—нѣтъ. Возьметъ оригиналъ въ руки, прочтетъ строкъ 7—8, да и закричитъ:

— Товарищи! Послушайте-ка, что „нашъ“ то глаголетъ! Совсѣмъ, лѣшій его возьми, „кадетомъ“ задѣлался!...

Прочтетъ въ слухъ, да такую критику на „своего“ наведетъ, что просто любо-дорого послушать.

Сознательный сталъ рабочій, читать сталъ много.

Вы меня извините, не по порядку я рассказываю. Ну, да нечего, вы навѣрное поймете.

У меня есть жена, ребенокъ-мальчикъ, все какъ слѣдуетъ. Учился я, можно сказать, нигдѣ. Читать и писать все же умѣю. И чудно какъ то: ни ариѳметики, ни геометріи, ни алгебры тамъ—не знаю, а вотъ грамматику недавно прошелъ. Подвернулся тутъ одинъ человекъ, изъ вашихъ онъ, и говорю ему: „хочу васъ поэксплуатировать немного, займитесь со мною русскимъ языкомъ“. Согласился, спасибо ему большое. Мѣсяца четыре проучился. Трудно давалась, а всетаки прошелъ. Бывало-бѣда: читаешь, читаешь, до одури дойдешь, потому въ этихъ самыхъ подлежащихъ и сказуемыхъ не разбирался, особенно въ мудреныхъ книжкахъ. А теперь куда скорѣе пошло дѣло. Набирать тоже много лучше стало,—корректур-

ра—чистая, хоть куда.

И теперь вотъ частенько подумываю: какъ бы это вообще образовательными предметами заняться, а то неловко какъ то. Одно вотъ только бѣда—времени мало.

Къ исторіи—тоже вотъ большое тяготѣніе имѣю. Хорошая вещь эта исторія. Прочтешь тамъ о ремесленномъ періодѣ или еще о какомъ—и все ясно, какъ на ладонѣ становится...

Да, знаніе для насъ—рабочихъ—большая сила!

Будь рабочій человекъ со знаніями—не то бы было.

Великую также помощь оказываютъ рабочему популярныя книжки по разнымъ вопросамъ. Повѣрьте мнѣ, что если кто хочетъ оказать рабочему дружескую услугу, тотъ пусть пишетъ простымъ, понятнымъ языкомъ книжку. Лучшей услуги нашему брату не надо.

Читаютъ теперь рабочіе, шибко читаютъ. Зайдите теперь къ любому и вы увидите у него съ десятокъ простыхъ, хорошихъ книжекъ. Все у него есть—о стачкахъ, о союзахъ, о рабочемъ днѣ,

Особенно по сердцу рабочему, такія книжки, въ которыхъ говорится, что рабочій—это такой классъ, на который возлагается вся надежда. Я по себѣ знаю. Не повѣрите ли—гордость такая то въ душѣ выростаетъ. Идешь по улицѣ, а въ головѣ такъ и сидитъ. „Все мы дѣлаемъ и дома, и трамваи, и экипажи“..... Увидишь какого нибудь буржуя,—развалился въ кальяскѣ, —и думаешь:

— Катайся, голубчикъ, катайся до поры до времени, верхъ то нашъ будетъ, а не вашъ,—наша все таки возьметъ!

Недавно читалъ я „Оому Гордѣева.“ Тамъ одинъ купчина на пароходѣ хвастается, что строители жизни они, купцы. Нѣтъ, г. купецъ, думаю я, шибко ошибаетесь, шалите! Не вы строители жизни, строители тѣ, кто дѣйствительно

ее строить.....

Съ недѣлю тому назадъ ходилъ „разговаривать“ съ „нашимъ“, редакторъ оный, человекъ, — нужно сказать, — хорошій, искренній. То, да се. Я ему прямо и влѣпн:

— Какъ Вы, Василій Никифоровичъ, полагаете, что ежели всю теперешнюю жизнь, какъ она есть, отдать намъ, рабочимъ. Какъ вы думаете, управимся мы съ нею или нѣтъ?

Помялся немного, да и говорить:

— Видите ли, трудновато будетъ, особенно на первыхъ порахъ. Ну, а потомъ, конечно...

Не далъ я ему кончить, разомѣялся и говорю:

— На первыхъ порахъ къ Вашей милости обратимся, а потомъ глядишь — дѣтишки подросли, въ университетахъ поучились... Оно дѣло то и пошло!

Засмѣялся. Мечтателемъ назвалъ.

Ей Богу, противъ такихъ людей, какъ „нашъ“, у рабочаго и злобы нѣтъ никакой. Тоже, подумаешь — „хозяинъ“, „буржуй“, „эксплуататоръ“, а самъ, если ему поставить вопросъ прямо, ребромъ, мнется и готовъ согласиться съ нами.

А попробуй-ка, скажи это настоящему, какъ онъ запоетъ...

Про „нашего“ ребята такъ прямо и говорятъ: ему и хочется, и колется, и мамушка не велитъ...

Помню еще, во время одной забастовки это было, я былъ избранъ уполномоченнымъ — требованія предъявлялъ. Прихожу въ редакцію, сидитъ „нашъ“ за столомъ.

— Здравствуйте! — говорю.

— Здравствуйте! — отвѣчаетъ. — Въ чемъ дѣло?

Подаю ему листъ бумаги съ требованіями.

Просмотрѣлъ. „Согласенъ“, — говоритъ, — лице бы мнѣ на прожитые осталось сколько набудь...

Смѣшное положеніе такихъ „бур-

жуевъ.“

Голубевъ, наборщикъ у насъ, тотъ тогда прямо и заявилъ ему:

„И зачѣмъ было Вамъ носъ совать!... Тоже вѣдь, „предприниматель“!

Да, доложу я Вамъ, рабочій классъ пошелъ въ гору, шибко пошелъ. Что если бы я былъ писателемъ. Много бы я написалъ о теперешнемъ рабочемъ. А то хотя и много теперь писателей, да все мудрятъ что-то, про рабочую жизнь мало пишутъ. А наша, рабочая жизнь стоитъ того, чтобы о ней писали. Много въ ней интереснаго!

Теперь вотъ новая мода пошла — писать на какомъ то непонятномъ языкѣ. Вѣдь какія толстыя книжки пишутъ! Возьмешь въ руки Альманахъ, или еще что въ этомъ родѣ, просто тошно становится. Даже злость беретъ: если ты русскій, — думаешь, — такъ и писалъ бы русскимъ языкомъ. Чего мудрить-то. Такъ и хочется такого писателя взять за руку, да привести его къ людямъ живымъ, да поближе, и спросить его:

— Что, г. писатель, *настоящая* то жизнь похожа на ту жизнь, что въ своихъ книжкахъ описываете? Далеки, охъ какъ далеки такіе писатели отъ настоящей, дѣйствительной жизни!

Если описывать жизнь, нужно быть близъ нея. Пошли бы всѣ эти писатели къ примѣру къ нашей жизни, къ рабочей, по домамъ, да по фабрикамъ, да посмотрѣли бы какъ мы живемъ, тогда такія бы книжки написали, что весь свѣтъ бы ахнулъ!

За послѣднее время мнѣ часто приходитъ въ голову мысль — попробовать написать что нибудь про жизнь своихъ товарищей. Даже и заглавіе придумалъ: „Галлерей портретовъ“. Славно бы вышло! Всѣхъ бы по одиночкѣ расписалъ. Такъ я къ нимъ присмотрѣлся, такъ всѣхъ знаю, что всѣ они у меня сейчасъ предъ глазами какъ живые стоятъ. Ин-

теросные,—скажу я Вамъ,—ребята.

Вотъ Климентовъ у насъ есть. Совсѣмъ еще молодой парень. Года два тому назадъ у него только и была мечта—скопить денегъ и начать учиться. Ему страшно хотѣлось учителемъ сдѣлаться. Такъ бы, говоритъ,—я сталъ ребяташекъ учить,—просто загляденье. Каждый бы вечеръ собиралъ я ихъ вмѣстѣ, да книжка бы имъ читалъ. Игры бы устраивалъ,—на манеръ древнихъ грековъ,—на открытомъ воздухѣ.

Слушаемъ мы бывало его мечтанія и незамѣтно для себя сами увлекаемся, да совѣтовъ ему цѣлую гору надаемъ, точно дѣло уже рѣшенное и нашъ Климентовъ учителемъ задѣлался.

Потомъ пошли у насъ забастовки и тутъ Климентовъ совсѣмъ перемѣнился. Объ учительствѣ уже и не думаетъ. Чепуха все это,—говоритъ,—нужно читать больше, да заняться *другимъ* учительствомъ, среди своихъ товарищей. И дѣйствительно, дѣльный вышелъ парень. Теперь каждое воскресенье вскладчину на лодкахъ на зеленый островъ, да и жариваетъ тамъ съ ребятами по политической экономіи. Политическая экономія для рабочаго прежде всего необходима,—говоритъ онъ.

Или еще есть одинъ наборщикъ, Зайцевъ по фамиліи.

Его наши ребята такъ „революціоннымъ дуракомъ“ и прозвали. Бывало носится по улицѣ высуня языкъ. Всякій городской глядя на него сразу смекнетъ, что тутъ что-то неладно.

— Куда ты?—спросишь его.

— На кружокъ своихъ собираю.

Помѣшался прямо парень на кружкахъ. Жена у него. Женщина простая, неграмотная. Плачетъ бывало.—Заберутъ,—говоритъ,—моего то въ тюрьму, добьется. Что я тогда буду дѣлать?...

Ничего цѣль остался.

А то вотъ—Галкинъ. Любитъ вы-

пить. Парень смѣлый, Въ забастовкѣ первый, а занимъ гурьбой всей типографіей, по другимъ типографіямъ пойдутъ—снимать значить съ работы. Только бывало и твердить: Нужно всѣмъ сообща дѣйствовать, да дружнѣе, ни одинъ чертъ, —говорить,—не подступится. Отецъ у него есть, изъ мелкихъ торговцевъ онъ, старовѣръ.

— Сломаешь,—говорить,—себѣ парень шею, ой сломаешь!...

А онъ тряхнетъ головой, да и отвѣчаетъ:

— Авось и не сломаю. А ты бы, отецъ, поменьше голову то лампаднымъ масломъ мазаль. Разоришься, а у насъ, все забастовки, на мою помощь не рассчитывай!...

Онъ тоже женатый, но съ женой не живетъ.

— Не люблю,—говорить,—я такихъ, какъ моя жена, не понимаетъ она меня, все за отца стоитъ.

Теперь съ портнихой одной сошелся; рядомъ тутъ съ нашей типографіей модная мастерская есть. Ничего, живутъ хорошо, ладно.

Растетъ рабочій, растетъ, что и говорить.

Совсѣмъ недавно былъ у насъ въ типографіи такой случай: нашъ метранпажъ поусумнился—вѣрно ли, что одинъ изъ ребятъ набралъ 240 строчекъ, т. е. свой дневной урокъ. Какъ вы думаете, что онъ ему отвѣтилъ?.. Онъ задралъ голову кверху, да и говорить:

— Максимъ Ивановичъ, не забывайте, я — социалистъ!

Да чего тамъ про другихъ то говорить—возьмите меня. Человѣкъ я не изъ храбрыхъ, а чувствую, что ничего не боюсь, потому знаю и понимаю—не одинъ я, а много насъ, очень много. Войдешь въ типографію, взглянешь на товарищей своихъ, такъ въ душѣ то у тебя и загорается что то...

А бывало что. Пришлютъ тебѣ повѣстку изъ полиціи: за паспортомъ тѣмъ, или еще за какой надобностью, такъ у тебя сердце то и екнетъ. Бояшься. Думаешь: а вдругъ какъ бы что... А теперь—хоть куда. Спросятъ:

— Кто такой?

А ты смѣло, да громко отвѣтишь:

— Рабочій,—моль,—изъ типографовъ!

И повѣрьте,—самъ я замѣчалъ,—слово рабочій такое дѣйствіе на нихъ оказываетъ, точно раньше—студентъ... Боятся какъ будто стали.

Ой, чую я, что все это не по порядку, безовжно разокааываю. А и то нужно сказать—не взыщете. Вѣдь если бы я умѣлъ какъ слѣдуетъ рассказывать, да описывать, то навѣрное я не былъ бы просто рабочимъ. Куда тамъ! Выше забирай! Писателемъ бы сталъ!

Такъ слушайте. Ужъ какъ умѣю, такъ и рассказываю; ваше это дѣло—въ порядокъ то приводить.

Вотъ возьмемъ мы слово интеллигенція. Кажется, это слово должно пониматься одинаково всѣми. Анъ нѣтъ! У насъ, рабочихъ, это слово значитъ совсѣмъ не то, что у другихъ... У насъ своя интеллигенція, особенная. И эту свою интеллигенцію мы любимъ, очень даже.

Только теперь вотъ нѣкоторые изъ ребятъ шибко сердятся: *рано*,—говорятъ,—она, т. е. интеллигенція то наша, руки опустила... Можетъ быть они и ошибаются, но прямо скажу: шибко сердятся ребята.

Мнѣ приходилось частенько слышать, что будто про рабочую жизнь потому мало пишутъ, что жизнь другихъ классовъ, не рабочихъ, куда интереснѣе. Скажу вамъ, это по моему—неправда. Въ жизни рабочаго человѣка, особенно теперешняго, бываетъ много интереснаго.

Вотъ расскажу вамъ про одно событіе, которое произошло недѣли двѣ

тому назадъ у наборщика одного, Иванова; онъ изъ нашей же типографіи.

Въ воскресенье собрались мы у него чайку вмѣстѣ попить, да и поговорить намъ нужно было объ одномъ дѣлѣ. Жилъ онъ съ отцемъ; кровельный мастеръ онъ; мужикъ зажиточный. Сидимъ такъ мирно, разговариваемъ. Вдругъ входитъ отецъ Иванова. Поздорововался со всѣми и сѣлъ тоже чай пить. Видимъ — хмурый, на сына не смотритъ. Выпилъ онъ стаканъ чаю, да и говоритъ намъ:

— Вы бы, ребята, поругали какъ слѣдуетъ моего то оболтуса. Совсѣмъ опалѣлъ парень: связался съ какой то жидовкой—„мадамой“. На люди теперь стыдно показаться. Смѣются надо мной стали. „Какъ,—говорятъ,—скоро сынъ то твой въ жидовскую вѣру перейдетъ?“

Молчимъ мы. Неловко всѣмъ стало.

Прошло это въ молчаніи минуты двѣ, видимъ—вышелъ Ивановъ спокойно изъ за стола, да и говоритъ:

— Сколько разъ я говорилъ тебѣ, отецъ, что я смотрю на людей иначе, чѣмъ ты: для меня нѣтъ—ни жидовъ, ни русскихъ. Люди—какъ тѣ, такъ и другіе. И прошу тебя еще разъ, при товарищахъ,—не городи ерунды. Все равно я съ тобой въ этомъ вопросѣ не сойду.

Взбѣленился старикъ. Крякнулъ какъ то особенно, да и давай кричать:

— Не бывать этому, такъ и знай! Не допущу, что бы ты, мой сынъ, православный христіанинъ,—съ жидовкой поганой валадался!.. Не допущу!.. Въ полицію пойду!.. Силой воспрепятствую!..

Не выдержалъ парень. Поблѣднѣлъ. Подскочилъ къ старику; а самъ какъ мука—бѣлый:

— Ты,—говоритъ,—отецъ замолчи, а то я не посмотрю, что ты мнѣ кровный, что я—плоть твоя!.. Изобью, слышишь!.. Не виноватъ я въ томъ, что твоя старая

голова не может переварить моихъ доводовъ! Я тебѣ въ послѣдній разъ говорю: хочешь, чтобы я оставался, такъ молчи! Не хочешь?—не надо! Безъ тебя проживу, а черносотенныхъ твоихъ совѣтовъ слушать не хочу! Руки у меня есть, прокормить себя смогу!

А старикъ—свое:

— Не потерплю,—кричить, что бы мой сынъ изъ за жидовки изъ семьи родной вышелъ!..

Мы всё поднялись изъ за стола. А Ивановъ постоялъ среди комнаты съ минутой, махнулъ рукой, плюнулъ, да и говоритъ:

— Вотъ что, товарищи, айда отъ этого стараго дурака! Сегодня переночую у когонибудь изъ васъ, а завтра пойду къ Раисѣ и будемъ мы жить съ ней вдвоемъ. А ты,—говорить онъ отцу,—насчетъ полиціи оставь и думать, пока добромъ прошу тебя. Если же не слушаешься—пойдешь, плохо тебѣ будетъ!.. Меня ты знаешь...

Такъ и сдѣлалъ. Живетъ теперь съ Раисой. Она работаетъ въ мастерской, онъ—тоже работаетъ. Живутъ мирно, любовно.

Вотъ вамъ нынѣшній рабочій! Вотъ вамъ его не интересная жизнь! Разберите ка поподробнѣе жизнь Иванова, загляните ему поглубже въ душу—цѣлую книгу напишите... Образованные классы всё зубы себѣ поломали на еврейскомъ вопросѣ, а дѣло не на шагъ не подвижилось впередъ. А тутъ на, гляди, простой рабочій, а сразу этотъ вопросъ вырѣшилъ!

Помню—видѣлъ въ театрѣ „Мѣшанъ“. Признаюсь, не могъ въ толкъ взять: чего такъ хныкалъ молодой Безсѣменовъ; кажется парень понимающій. Разъ видишь, что съ отцомъ пива не сваришь—плюнь и уйди. Прошло то время, когда молодые у стариковъ жить учились! Время настало молодое; все

должно за молодымъ идти, а кто не хочетъ—пусть пеняетъ на себя!

Клевещутъ на рабочаго человѣка тѣ люди, которые говорятъ, что рабочій еще грубъ и дикъ, будто онъ еще не понимаетъ, что хорошо, что красиво... Неправда! Пошлите этихъ людей къ намъ и они увидятъ, что теперешній рабочій не тотъ, что былъ прежде. Старый рабочій ушелъ изъ жизни, пришелъ новый, молодой, который *все понимаетъ!*..

. . . . .

. . . . .

Прощаясь со своимъ молчаливымъ слушателемъ, рабочій говорилъ:

— На прощанье еще разъ скажу вамъ: пусть писатели идутъ къ намъ, описываютъ нашу жизнь и мы имъ будемъ благодарны. *Мы—новые строители жизни!* У насъ—все впереди!

РАБОЧІЙ.

Замурованный.

Кто - то меѣ говорилъ: „уваженье къ
врагу!“

Это было давно и далеко.
Но теперь я врага уважать не могу
И его презираю глубоко...

Вѣетъ холодомъ смерти мой сумрачный
склепъ,

Гдѣ навѣки меня заключили.
Словно кротъ я безъ яркаго солнца
ослѣпъ

И, какъ трупъ, разлагаюсь въ могилѣ...

Душно, тѣжко... Въ углахъ отсырѣвшихъ
висятъ

Лишь обрывки сѣдой паутины;
На зловонномъ полу только жабы
скользятъ,

Какъ противны ихъ мокрыя спины!..

Но изгладить изъ памяти все-жъ не могли
Прелесть прошлаго эти невзгоды;
Вспоминаю я воздухъ родимой земли
И весеннюю роскошь природы.

Свѣжій, тихій, задумчиво-ласковый лѣсъ,
Многопѣнное, шумное море,
Всеобъемлющій куполь лазури небесъ...
Вспоминаю и радость, и горе.

Такъ была хороша молодая любовь,
Горячи и безумны лобзанья!
Но не имѣю я отдать свою юную кровь,
Не за нихъ я пошелъ на страданья...

По странѣ мощный кликъ боевой
прогремѣлъ,
Словно буря, отъ края до края;—
Изъ объятій любви я туда полетѣлъ,
Гдѣ боролись друзья, умирая.

Единеніе силъ, напряженность борьбы
И возможной побѣды улыбка!..
Переменчива вся кварная Судбы,—
Роковая свершилась ошибка...

Тяжело вспоминать этотъ горестный часъ,
Часъ послѣдней, проигранной битвы;
Слишкомъ сильная вѣра подвигнула насъ,
И надеждой дышали молитвы...

А потомъ — оскорбленья, насмѣшки
враговъ;
Ихъ проклятамъ, грубая сила;
Пытка наглыхъ допросовъ подъ грохотъ
оковъ,—
И холодная эта могила...

Угнетающій мракъ безнадежно могучъ
И ужасенъ, какъ губы вампира.
Дайте свѣтлаго солнца одинъ только
лучъ,
Только отзвукъ изъ дальняго міра!

Это нервы мои напряженно кричатъ,
Это мечется сердце отъ боли;
Но тяжелые своды угрюмо молчатъ,
Равнодушные къ словамъ неволи...

... Кто-то мнѣ говорилъ: „уваженіе къ
врагу“.

Это было давно и далеко.
А теперь я врага презирать лишь могу,
Проклинать, ненавидѣть глубоко!

14 декабря 1904 г.

БІОТУРЪ.

Кошмары.

Вѣтеръ увядшіе листья сривалъ...
Въ лачугѣ холодной
Голодный
Твой сынъ умиралъ—
Умиралъ безъ огня и безъ пищи...
Старуха, безумная въ древности лѣтъ,
Недвижно сидѣла,
Глядѣла, глядѣла, глядѣла
Туда, гдѣ простерлось кладбище...
Обтянутый кожей скелетъ—
Что былъ при тебѣ херувимомъ—
Твой сынъ умиралъ...
Въ неувимомъ
Дыханьи могилы
Тянулись къ ребенку враждебныя силы
И плотно смыкали кольцо...
Едва простирая изсохшія руки,—
Въ бреду ему матери снилось лицо,—
Тебя призывалъ онъ и дѣтскія муки
Повѣдать хотѣлъ...
Да вставай же, старуха! Бѣги за живыми
людьми!..

Сидитъ одряхлѣвшая; ей
Отъ Смерти, стоящей у ложа, не жутко;
Кошмарныя нити уродливыхъ дней
Стянули ей мозгъ... Умираетъ малютка...
Одишь... Умираетъ... Скорѣе, скорѣй!..

Вчера подь окномъ повѣсили мужа.
Теперь
Тамъ грязная лужа
Осенней воды застываетъ...
Давить желѣзомъ скрѣпленная дверь.
Рѣшетка желѣзная страшную явь не
скрываетъ...

О, темноты, темноты!!—
Мечешься въ камерѣ ты.....
Нѣтъ! надо жить, надо жить,
Чтобы отмстить
Слѣпо-ликующей жизни,
Чтобы—хотя на закатѣ трудомъ
переполненныхъ дней—
Видѣть въ своей просвѣтленной отчизнѣ
Яркое Солнце разбившихъ оковы Идей...

Тяжко и душно... Душно и тяжело...
Воздуху! Воздуху!.. Душить рубашка.—
Надо ее разорвать...
О, эти тѣсныя стѣны—ихъ не сломать!..
Выбить окно,—ослабѣла рука;
Крѣпче! Сильнѣй!... Оглушающій грохотъ
замка,
Голосъ отрывисто-властный съ порога:
„Прочь отъ окна! Не шумѣть!
Замолчать!“..

Тише, несчастная мать!—
Душѣ смирн предъ бездушною силой
острога...

13 октября 1908 г.

Б. І. О Т У Р Ъ.

Неудача.

(Съ натуры).

Въ эту ночь ребъ Лейзеръ пережилъ ужасныя минуты.

Одна мысль, что его заклятый врагъ Нахманъ будетъ избранъ въ габе *) и всѣ затѣи разлетятся въ прахъ, приводила его въ ужасъ. Если бы затѣя ребъ Лейзера удалась, тогда онъ былъ бы первымъ почетнымъ членомъ синагоги. — Ну, если выберутъ Нахмана, тогда... Но нѣтъ! Этого быть не можетъ!..

Ребъ Лейзеръ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и попробовалъ думать о другихъ дѣлахъ. Но мрачныя мысли назойливо продолжали копошиться въ мозгу и рисовали ребъ Лейзеру зловѣщія картины. Ему представлялось, что Нахманъ уже избранъ въ габе, стоитъ на бимѣ **) и шепотомъ говоритъ хазену ***) кого нужно вызвать къ торѣ ****). Ребъ Лейзеръ отъ этой картины такъ разволновался, что принужденъ былъ встать съ постели.

*) Администраторъ синагоги.

**) Возвышеніе въ синагогѣ, гдѣ по субботамъ и праздникамъ читаютъ главы изъ пятикнижія.

***) Кантору.

****) Свитки, гдѣ напечатано пятикнижіе.

— Губернаторская

Крестьян. фонд.

Натянуть на ноги длинные, бѣлые чулки и поправивъ на головѣ ермолку, съ которой онъ никогда не разставался, ребъ Лейзеръ сталъ шагать по комнатѣ.

Худой, высокій, со всклокоченной бородой, ребъ Лейзеръ походилъ на страшное видѣніе.

— Еще разъ, — разсуждалъ шепотомъ самъ съ собою ребъ Лейзеръ, — если этого ноефа *) выберутъ, что мнѣ тогда дѣлать? Воображаю, какъ онъ важно будетъ стоять на бимѣ и поглядывать на меня своими воровскими глазами... Ну, нѣтъ, пане Нахманъ! Этого вы не дожидаетесь! Скорѣе вы будете лежать ногами къ дверямъ, чѣмъ васъ выберутъ въ габе!

Ребъ Лейзеръ внезапно остановился среди комнаты, схватился обѣими руками за голову и бросился къ кровати жены.

— Хане—Ривке! Хане—Ривке! — закричалъ онъ не своимъ голосомъ.

Хане—Ривкѣ въ это время снилось, будто она поймала свою служанку при кражѣ варенья.

Она открыла глаза и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на мужа.

— Хане—Ривке! кричалъ въ это время ребъ Лейзеръ. — А вѣдь мы забыли пригласить Янкель-Давида! Нахманъ его, навѣрное, пригласитъ къ себѣ!

Хане—Ривке, недовольная, что мужъ прервалъ ея сонъ на самомъ интересномъ мѣстѣ и тѣмъ помѣшалъ ей, хотя во снѣ, разругать на всѣ лады свою служанку, начала плаксивымъ голосомъ:

— Всѣ жены имѣютъ счастье, только я одна несчастна. Господи! и за что такое наказаніе! Всѣ люди спятъ, а мой разбойникъ расхаживаетъ, какъ принцъ. Когда уже я избавлюсь отъ тебя? Когда я заслужу у Бога, чтобы онъ тебя убралъ отсюда!..

Ребъ Лейзеръ вначалѣ растерялся

---

*] Развратникъ.

было отъ такого неожиданнаго отвѣта жены, но вскорѣ оправился и въ свою очередь сталъ возмущаться.

— Что вы окажете на нее?— ни къ кому не обращаясь, кричалъ ребъ Лейзеръ:—нельзя ужъ и слова сказать! Ну, ну! Слыхали вы такую исторію?

— Господи!—затянула опять Хане—Ривка—за что такое наказаніе?!

— Спи, спи! — заоралъ ребъ Лейзеръ:—что бы больше уже не встала!

Но мысль, что Нахманъ можетъ быть выбранъ въ габе, продолжала волновать ребъ Лейзера. Онъ обратился взволнованнымъ голосомъ къ женѣ:

— А какъ ты думаешь—его выберутъ?

— А почему нѣтъ!—не унималась Хане—Ривке:—чѣмъ ты лучше Нахмана? Будь спокоенъ: онъ такъ не сходитъ съ ума, какъ ты. Нахманъ помнитъ, что у него есть жена и дѣти, которыхъ нужно кормить.

— Ну, вотъ!—отбивался ребъ Лейзеръ—съ женщинами всегда такъ: говоришь о серьезномъ дѣлѣ, а она тебѣ со своими пустяками!

— Такъ зачѣмъ ты съ ними связался, если они такъ тебѣ не нравятся?—возмущилась Хане-Ривке.

— Я знаю? За грѣхи мои, должно быть...

.... Разговоръ въ этомъ родѣ продолжался до утра.

—

Въ синагогѣ ребъ Лейзеръ старался всемъ доказать, что Нахманъ въ габе не годится. Но окончаніи молитвы онъ сталъ въ дверяхъ и пригласилъ наиболѣе вліятельныхъ, по его мнѣнію, лицъ къ себѣ „на стаканъ вина до акофысь*].

Вечеромъ въ домѣ ребъ Лейзера

---

*) Въ еврейскій праздникъ „Сипхаєъ торы“ и Шауи-ацэресъ евреи обходятъ амвои со свитками на рукахъ.

творилось что то невообразимое.

Большая комната была заставлена придвинутыми другъ къ другу столами, на которыхъ въ страшномъ безпорядкѣ стояли жалкіе остатки закуски и валялись пустыя бутылки изъ подъ водки. Въ углу красовались два боченка—съ виномъ и пивомъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ уже перепились, нѣкоторые успѣли уже поссориться между собою и помириться.

А ребъ Лейзеръ въ это время переходилъ отъ одного кружка пьющихъ къ другому и заводилъ разговоръ объ одномъ и томъ же:

— Въ габе нужно выбрать человѣка, а не лошадь,—начиналъ онъ,—а Нахманъ развѣ человѣкъ? Ну, скажите, ребъ Шлейме, ну, какой человѣкъ Нахманъ? Жлабъ *)—больше ничего!..

— Эйлемъ! пора въ синагогу!—вскричалъ кто то—и всѣ гурьбой двинулись въ синагогу.

А въ синагогѣ въ это время стоялъ на бимѣ Янкель-балагула **) и держалъ передъ толпой такую рѣчь:

— Нахманъ долженъ быть габе. Кто будетъ противъ Нахмана, тому я зубы выбью. Только Нахмана!

Не успѣлъ ораторъ произнести послѣднія слова, какъ дверь съ шумомъ распахнулась и въ синагогу ворвалась пьяная ватага съ ребъ Лейзеромъ во главѣ.

Споръ между сторонниками ребъ Лейзера и Нахмана такъ разросся, что всѣ потеряли головы и забыли, кого нужно выбирать. Среди всеобщаго гама выдѣлялся только пьяный Янкель-балагула, кричавшій:

— Въ зубы... Сволочь... Нахманъ... Лейзеръ.

Когда же всемъ надоѣло спорить и

*) Невѣжда.

**) Извощикъ.

шумъ постепенно сталъ затихать, на биму вошелъ шамысь *) и предложилъ приступить къ выборамъ габе.

Сразу вся толпа опять закричала; снова слышенъ былъ пьяный Янкель-балагула, оравшій: „Шамысь... сволочь... въ зубы“... Дальше ничего нельзя было разобрать.

Ударъ о молитвенникъ далъ знать, что выборы приходятъ къ концу.

Когда шумъ перешелъ въ жужжанье, шамысь громко прокричалъ:

— Ребъ Лейзеръ—габе первый!— разъ!

— Ребъ Нахмана! ребъ Нахмана!— загудѣла толпа.

— Ребъ Нахманъ—габе первый— разъ!—возгласилъ шамысь.

— Ребъ Нахманъ—габе первый— два!

— ... Три!

Первыя минуты ребъ Лейзеръ какъ бы онѣмѣлъ отъ такого исхода выборовъ. Затѣмъ стремглавъ бросился въ толпу и сталъ искать кого то.

— Ребъ Янкель-Давидъ! — закричалъ онъ, схвативъ попавшагося навстрѣчу Янкель-Давида за полы кафтана:— Что же это такое? Этого ноефа выбрали! Этого...

— Ну и выбрали! — перебилъ его Янкель-Давидъ — А тебя въ будущемъ году выберутъ.

— А что вы говорили у меня дома? —приставалъ ребъ Лейзеръ.

— То было у васъ, а это въ синагогѣ!—убѣжденно отвѣтилъ Янкель-Давидъ.

Но ребъ Лейзеръ ужъ не слушалъ. Схвативъ пальто, онъ стрѣлой пустился домой...

На другой день стало извѣстно, что ночью ребъ Лейзеръ опасно заболѣлъ.

М. В—ъ.

*) Служитель синагоги.

Поэтъ и Смерть.

За столомъ—въ мрачной комнатѣ съ тяжелыми, тѣсно сдвинутыми сводами—сидѣлъ Поэтъ и нервными взмахами дрожащаго пера заканчивалъ послѣднія строки стихотворенія. Огонь вдохновенія горѣлъ въ возбужденныхъ зрачкахъ, и его пламенные искры сверкающими зигзагами бороздили гармонию возникающихъ словъ и созвучій...

Обезсиленное перо съ легкимъ стукомъ радости выпало изъ рукъ.

— Конецъ!—сказалъ поэтъ.

— Конецъ,—какъ эхо, раздалось за его спиной.

Поэтъ вздрогнулъ и обернулся.

Въ двухъ шагахъ позади его стояла странная дѣвушка.

Флюоресцирующая одежда волнистыми складками падала съ ея холодныхъ мраморныхъ плечъ, почти скрывая маленькія бѣлыя, какъ криолитъ, ноги, обутыя въ платиновые сандалии.

На блѣдномъ, неподвижномъ лицѣ ея загадочно темнѣли черные, какъ ночь, большіе глаза; ихъ бездна, казалось, была способна вмѣстять въ себѣ безграничность живущаго.

И Поэтъ догадался, что предъ нимъ стояла Смерть. Но не страхъ родился въ душѣ его, а какое-то новое, доселѣ неиспытанное имъ ощущеніе.

Въ неподвижномъ устремленіи онъ приковался къ своей гостьѣ, которую видитъ только разъ въ жизни, и пурпурно-красные сны предковъ гармонически скользми по глубокимъ цѣвильникамъ его мозга...

— Я читала и дала тебѣ кончить твое лучшее произведеніе, — нарушая цѣльность молчанія, сказала Смерть, — и въ этомъ знакъ моей милости къ тебѣ. А теперь — пусть свершится неизбежное!

Съ этими словами она вынула изъ своихъ бѣлокурыхъ волосъ длинную золотую шпильку и протянула ее къ головѣ Поэта.

Но онъ, въ движеніи быстромъ, какъ молнія, вырвалъ роковую удлинненность металла и прикрѣпилъ имъ къ стѣнѣ только-что написанное.

Затѣмъ, не давъ опомниться Смерти, онъ схватилъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Безумецъ! что ты дѣлаешь? — вскричала она, — пораженная негодующимъ удивленіемъ.

Но онъ крѣпко держалъ ее руками, внезапно пріобрѣвшими неодолимую силу...

— Я хочу отблагодарить тебя, — сказалъ Поэтъ. — Ты пришла съ намѣреніемъ умертвить, но дала мнѣ безсмертіе, позволивъ закончить то, что ты видишь сейчасъ закрѣпленнымъ твоимъ оружіемъ... Моя послѣдняя пѣсня навѣки сохранить мое имя въ памяти людей. И я не хочу умереть, оставшись въ долгу предъ тобой. О, не уходи! — Я дамъ тебѣ почувствовать Радость живущаго, которое ты такъ безстрастно губишь. Я дамъ тебѣ наслажденіе Любви, — той Любви, которая одна во всемъ мірѣ не боится тебя!...

Безмолвствовала Смерть, и лишь одинъ разъ дрогнули стрѣлы ея длинныхъ рѣсницъ...

А Поэтъ, не выпуская ее изъ своихъ объятій, гладилъ ея мягкія волосы, ласкалъ ея перламутровыя руки, цѣловалъ ея красивую голову.

И Смерть уже не билась, какъ пойманная серебристая рыбка; ея холодное тѣло начинало согрѣваться подъ огненными поцѣлуями Поэта, и только глаза ея старались избѣжать его страстнаго взгляда...

Но встрѣтились, наконецъ, ихъ взоры, и невидимыя нити соединили бездонную пучину глазъ Смерти съ бездной сіянія очей Поэта.

Внезапно охвативъ руками его шею, она долгимъ, медлительно-проникающимъ поцѣлуемъ прильнула къ его губамъ.

Неизъяснимое чувство жгучаго холода прошло по всему существу Поэта. Высоко поднялся въ душѣ его брилліантовый гребень розовой волны наслажденія...

— Мой сильный, мой милый! — шептала Смерть.....

.... И отступили, ушли въ глубину мрачныя, тѣсныя своды комнаты. Ихъ замѣнили узорно-зеленныя арки тихо колыхающихся вѣтвей, черезъ которыя мягко струились голубые потоки луннаго свѣта. Мелодично журчалъ по гранатовому песку извилистый ручей, и съ береговъ его доносилась сладко-ноющая пѣснь соловья...

Протекали часы, короткія какъ минуты; проходили минуты долгія, какъ часы...

На ароматномъ цвѣточномъ ложѣ покоилась Смерть въ трепетной истомѣ отъ ласкъ Поэта, а онъ, наклонясь, заглядывалъ въ ея большіе глаза, цѣловалъ ихъ и восторженно лепеталъ:

— Моя любимая, моя свѣтлая! . . . .

На утро Поэтъ проснулся въ своей комнатѣ. Все въ ней было попрежнему, только послѣднее стихотвореніе исчезло безвозвратно вмѣстѣ съ золотой шпилькой...

И не зналъ Поэтъ, дивный-ли сонъ пригрезился ему, или это была дѣйствительность, и Смерть—за оставленную ему жизнь—унесла съ собой лучшее его произведеніе, таившее въ себѣ залогъ безсмертія....

П. Л. Д.

Стихотворенія.

Товарищу А....

Ты усталъ, изнуренъ въ непрерывной
борьбѣ
И томишься въ безсильи, не види
просвѣта.
Свои юные лучшіе годы—въ тюрьмѣ
Ты провелъ безъ веселья, любви и
привѣта.

Ты поешь погребальныя пѣсни себѣ,
Силъ остатокъ во мракѣ хоронишь
И не плещь, какъ бывало, проклятій
судьбѣ,
Безнадежныя мысли не гонишь...

Ты немного могъ сдѣлать, но много
страдалъ,—
Это сердце сочилось кровью,—
Среди ссылки и тюремъ ты счастье
искалъ

И разбить... полонъ нѣжной любовью.

Съ пѣсней мира, застывшей на блѣдныхъ
устахъ;

Ты стоишь у могильнаго входа
Такъ спокоенъ душою, и чуждъ тебѣ
страхъ,

А въ очахъ просвѣтленныхъ—Свобода..

* *
*

На зарѣ я хочу умереть,
Въ часъ, когда обновленья полна,
Вся природа готовится пѣть —
Яркимъ счастьемъ трепещетъ она.

И румянцемъ рожденнаго дня
Вся покрыта сырая земля,
Будто алою кровью полна.

* *
*

То не всплески разгульной волны,
То не шелестъ зеленыхъ листовъ, —
Пѣсни творчества въ небѣ слышны
Вдохновенныхъ, незримыхъ духовъ...

И подъ пѣнь чудесныхъ пѣвцовъ
Смерть прекрасною кажется мнѣ —
Дѣломъ творчества смѣлыхъ борцовъ...

* *
*

Будь священна ты, жизнь молодыхъ,
Въ смерти видящихъ образъ, и дѣло,
и мысль
Стремленій, порывовъ моленій своихъ!
Смерть борющихся славна вездѣ

И красива, какъ сила и страсть —
Бездна жизни у смерти въ душѣ,
Бездна счастья и творчества власть!...

* *
*

Ужъ возшла и Зарница моя
Послѣ мрачной, тяжелой ночи,
Изъ серебряныхъ слезокъ она соткана
И алмазными нитями блещутъ лучи...

На зарѣ средь цвѣтовъ я умру,
Среди гимновъ побѣдныхъ я къ смерти
пойду,
Я зарю въ своей смерти найду!

Иль—ковъ.

— } —————

Первое мая.

Съ украинскаго (изъ В. Велентія).

Первое мая сегодня.

Праздничное, ясное солнце тихо разбудило землю. Рано-рано проснулась она, пышная, цвѣтами убранная, красавица земля. Солнцу радостно улыбается, росой-жемчугомъ умывается, въ изумрудныхъ объятіяхъ лаская и нѣжа прозрачно-голубую рѣченьку. Ароматнымъ шелкомъ бѣло-розовой фаты подернула сады цвѣтушіе. По полямъ и лугамъ несчетныя искры пурпурныхъ, и синихъ, и золотисто-желтыхъ самоцвѣтовъ разсыпала. И радостнымъ гимномъ жизни бросила въ небо.

* *
*

Первое мая сегодня.

Мой край родной, любовь моя! Зачѣмъ же у тебя такое мертвое, усталое скорбно-скорбное лицо? Почему ты не радуешься, не празднуешь ясному празднику весеннему? Отчего тоской-печалью остеклѣли очи твои, уста мукой нестерпимой сжались, въ безысходномъ отчаяніи заломались трудовыя руки!
Зачѣмъ? Почему? Отчего?

* *
*

Первое мая сегодня.

И тутъ, и тамъ, и всюду, гдѣ-то за сырою, проклятою стѣною мучаются они, твои цвѣты—борцы за волю, за солнце, за небо голубое...

Но солнца лучъ улыбки имъ не шлетъ. Тяжелыми черными крыльями закрыла ихъ тьма, отчаянье имъ давитъ грудь, и мозгъ сосетъ, и кровь морозомъ леденить... Безпомощно и одиноко вянуть первые цвѣты твоей весны...

* *
*

Первое мая сегодня.

На смрадныхъ болотахъ, на топяхъ-трясинахъ вылупился подлый, кровавый сируть - коммартъ. Оклизкіе, плюгавые щупальцы раскинулъ по землѣ: дѣтей-юношей, дѣвицъ - молодцевъ, стариковъ-старухъ, весь трудовой людъ мучкой горькою душилъ, мучаетъ...

И тѣшится, хохочетъ, измывается...

* *
*

Первое мая сегодня.

Мой край родной, измученный! Прилушайся, взгляни! Раскатами мощными грома рокочетъ, пурпуромъ зарницъ горитъ далекій небосклонъ...

Нѣтъ—не громъ, не зарницы: сыны воли, сыны труда собрались тамъ подъ стѣнную знамень!

Настанетъ часъ и твой воспрянетъ сынъ и знамя яркое подыметъ высоко....

Настанетъ часъ!

Тогда съ лица земли исчезнетъ горе, стыдъ, тюрьма и кандалы...

Тогда свой май ты встрѣтишь, край родной!

Перевелъ С. В. ТУМА.

Государственная

Краевед. фонд

Якутская

Пенза

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ издателя	3 стр.
ПОЛОЖЕНІЕ ЛИШЕНЦЕВЪ. [Н. Усолицевъ.]	5.
ВЪ ЗЛАТОТКАННОСТИ. [А. Голубой].	13.
БЕЗЪ НАЗВАНІЯ. (Рабочій).	17.
ЗАМУРОВАННЫЙ. (Біотуръ).	29.
НЕУДАЧА. (И. В—ъ).	33.
НОЭТЬ И СМЕРТЬ. (И. Л. Д.)	39.
СТИХОТВОРЕНІЯ. (Иль—ковъ).	43.
ПЕРВОЕ МАЯ. [Съ малорос. пер. С. В. Тума).	45.

Копія